

5-9-96.

На следующий день после первого тура президентских выборов в московском Доме литераторов состоялся юбилейный вечер памяти Виктора Платоновича Некрасова, посвященный 85-летию со дня его рождения.

Вечер проходил незадолго до знаменательной даты — 55-летия со дня начала советско-германской войны. С этого года 22 июня было официально объявлено днем всенародной скорби и поминовения павших.

Близится и другой юбилей: в сентябре-октябре этого года исполняется 50 лет со времени публикации в 8/9-м и 10-м номерах "Знамени" за 1946 год первой повести Некрасова "В окопах Сталинграда" (тогда она называлась "Сталинград"), открывшей новую эпоху в современной русской прозе и сразу сделавшей его известным. На следующий год автор получил за повесть Сталинскую премию, в последующие годы она была переведена на 36 языков и издана более 130 раз (общим тиражом в несколько миллионов экземпляров).

Некрасов любил непредвиденные совпадения, не считал их случайными, любил "круглые" и "полукруглые" даты и сам искал в быту и литературе неожиданные соответствия и параллели, сближая разные факты и даты.

В связи с переизданием "Окопов" в 1981 году, приуроченном к 40-летию начала войны, и накануне своего 70-летия находившийся в изгнании Некрасов писал о необычной судьбе своей первой повести ("правдивой на девяносто девять процентов", как он уточнял) и о трагедии своего поколения:

"Книга о войне, о Сталинграде, написанная не профессионалом, а рядовым офицером. Ни слова о партии, три строчки о Сталине... Не влезало ни в какие ворота... Полжизни до книги, полжизни после. Подводятся какие-то итоги.

Тридцать лет в партии — самой жестокой, самой трусливой, сильной, беспринципной и растленной в мире. Поверил в нее, вступил и к концу пребывания в ней — возненавидел. Три года в армии, в самые тяжелые для нее дни. Полюбил ее и победами ее горжусь. Полюбил вечно чем-то недовольного рядового бойца —

Русская мысль -
Париж - 1996 -
5 сент. -
с 11.3

сентября исполнилось 9 лет со дня смерти В.П.Некрасова

солдатом он стал называться позже. Нет, не того, что на плакатах или в Берлине, в Тиргартене, спокойного, уверенного, в каске — их никто никогда не носил, — а другого, в пилотке до ушей, в обязательно разматывающихся обмотках, ворчливого, матюкающего старшину больше, чем немца, пропахавшего пол-Европы и вскарабкавшегося на Рейхстаг.

Вечер памяти Некрасова проходил в том Доме литераторов, где Виктор Платонович частенько бывал, но не на официальных литературных торжествах или заседаниях, а в ресторане — с друзьями и знакомыми, где он обязательно пропускать свои фронтовые "сто грамм".

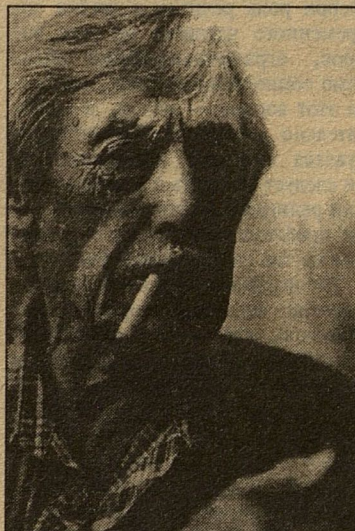
Тринадцать лет после его вынужденной эмиграции и до самой смерти имя Некрасова в советской печати оставалось под запретом. Лишь в девятом (сентябрьском) номере "Нового мира" за 1987 год (а журнал выходил с опозданием, и номер попал к читателям уже после смерти писателя) Андрей Битов в своем очерке завуалированно упомянул автора "В окопах Сталинграда". К счастью, Виктор Платонович успел узнать о другой статье — "Когда солдаты возвращаются домой" Вячеслава Кондратьева, напечатанной 30 августа 1987 года в "Московских новостях", в которой автор военной повести "Сашка" написал о необходимости переиздать "В окопах Сталинграда", лучшую, правдивую книгу о войне, хотя автор и эмигрант. Понятно, что редакция газеты шла на большой риск.

За день до смерти Некрасова его коллега по радио "Свобода" Фатима Салканова принесла ему в больницу номер этой газеты со статьей Кондратьева. По ее словам (см. "РМ" №3692 от 25 сентября 1987), Виктор Платонович во время чтения несколько раз ее останавливал и комментировал, а о месте, где речь шла о нем, сказал: "До чего быстро там все меняется, до сих пор они переиздавали и говорили, что нужно переиз-

Александр Парнис

Посвящается Некрасову

9 лет со дня смерти В.П.Некрасова

В.П.Некрасов. Фото М.Лемхина.

давать только книги тех эмигрантов, кто давно умер, а теперь им разрешают говорить это и о книгах живых людей".

Это был последний привет и радостная весть с родины.

Во многих газетах и журналах мира, а также в русскоязычной зарубежной прессе были напечатаны некрологи и статьи, посвященные Некрасову. У нас на его смерть откликнулась лишь одна газета — все те же "Московские новости". Некролог подписали Б.Окуджава, Г.Бакланов, В.Кондратьев и В.Лакшин, но и здесь не обошлось без досадных оговорок: "годы эмиграции отдалили его от нас", его "в эмиграции не всегда ждала удача".

Сегодня мы уже забыли, что нужны были ловкие ухищрения, своеобразные цирковые приемы — "эквилибристика", по словам самого В.П., чтобы что-то важное "просочилось" сквозь цензурные запреты в печать. Даже этот скромный некролог вызвал тогда гневный окрик главного тогдашнего идеолога страны, члена политбюро ЦК КПСС Е.Лигачева: что это, мол, еще за плакальщики?! И в наказание собирались снять главного редактора Егора Яковлева и даже закрыть газету.

Первым произведением Некрасова, изданным на родине после его изъятия из русской литературы, были очерки "Городские прогулки" ("облегченная" первоначальная редакция "Записок зевачки"), подготовленные любимым редактором и давним другом писателя Анной Самойловной ("Асей") Берзер для "Нового мира" еще в конце 1960-х годов, но не пошедшие в печать.

Недавно бывший главный редактор "Юности", где были напечатаны "Городские прогулки" (№7 за 1988 г.), А.Дементьев рассказал в телеинтервью, что он обращался прямо к М.Горбачеву и А.Яковлеву за разрешением их напечатать, и сожалел, что их автор не дождался этой публикации. Но Дементьев, повидимому, слукавил или что-то напутал: "Городские прогулки" были напечатаны почти через год после смерти Некрасова, когда запреты на публикацию его текстов уже были фактически сняты и разрешено было быть "смелым", и автор "Окопов" уже проходил, как точно заметил В.Войнович, "по другой графе".

За девять лет после смерти Некрасова

в России и на Украине были напечатаны почти все его крупные произведения, написанные за рубежом, а также переизданы "старые" его повести, романы и путевые очерки. И все-таки целый ряд его произведений остается неизданным.

Многие годы писатель вел регулярные передачи на радио "Свобода", которые необходимо собрать и издать; также необходимо собрать статьи, разбросанные в периодике, и напечатать его письма. Виктор Платонович был мастером эпистолярного жанра. Это у него, как он сам говорил, "наследственное" — от матушки Зинаиды Николаевны и тетушки С.Н.Мотовиловой, автора замечательных воспоминаний "Минувшее", напечатанных в "Новом мире" №12 за 1963 год.

Первый вечер, посвященный В.П.Некрасову, состоялся в Москве через год после его смерти в Литературном музее — 28 сентября 1988 года. На нем выступили с воспоминаниями А.Берзер, писатели Р.Орлова, В.Кондратьев, Е.Ржевская, Л.Лазарев, киевский друг М.Пархомов и другие. Раиса Орлова рассказывала о своей многолетней дружбе и встречах с Некрасовым "здесь" и "там", о его

На похоронах В.П.Некрасова. 10 сентября 1987, Сент-Женевьев-де-Буа.

дейтельному участию в правозащитном движении и о его мечте, высказанной в одной из последних встреч, — издании с собственным послесловием под одной обложкой повести Г.Беллы "Где ты был, Адам?" и как ответ — своей повести "В окопах Сталинграда". В этих произведениях оба писателя удивительно человечно рассказали о войне.

Любопытно, что в одной из телепередач накануне Дня победы, 8 мая 1993 года, писатель Леонид Лиходеев вспомнил о своей встрече с Генрихом Беллем. Оказалось, что они оба воевали под Федоровкой, конечно, с разных сторон, один был ефрейтором, другой — сержантом. "Мы ведь могли убить друг друга. Войны ведут политики. А стреляют друг в друга солдаты", — с горечью говорил русский писатель. Очевидно, Лиходеев не знал о некрасовском экстраординарном замысле издать вместе два известных антивоенных произведения, написанных из противоположных окопов, и о том, что в 1991 году такая книга уже вышла, а послесловие к ней написал Вячеслав Кондратьев, подхвативший идею Некрасова, рассказанную Р.Орловой.

Увы, некоторых участников этого первого некрасовского вечера уже нет с нами — Р.Орловой, А.Берзер, М.Пархомова,

В.Кондратьева. Но каждый из них успел немало сделать для возвращения имени и произведений Некрасова на родину.

Виктор Некрасов собирался, как он писал в одном из очерков, дожить до 80 лет, но его трудно представить таким почтенным старцем. Это был вечно молодой, сухощавый и красивый человек, чем-то похожий на известного итальянского актера Тото (в нем действительно текла итальянская кровь), легкий, открытый и озорной, с юношескими повадками и привычками, ходивший в джинсах и никогда не носивший галстуков, — "киевский мушкетер", как метко прозвал его кто-то из друзей. О нем ходили легенды и анекдоты, которые он сам с большим удовольствием и артистизмом рассказывал (в молодости был актером). "Для русского писателя, — говорил он, — попасть в анекдот — счастье". Любил он устраивать и разного рода розыгрыши.

В брежневские семидесятые годы появилась такая изысканная литературная шутка: "Что вы делали, когда шла битва за Малую землю? Небось, отсиживались в окопах Сталинграда?" Недавно произошла еще одна "история", которая наверняка бы обрадовала Виктора Платоновича.

Вернусь к юбилейному вечеру Некрасова в ЦДЛ. Он прошел тихо и почти незаметно. В культурной жизни Москвы ежедневно происходит такое количество мероприятий, презентаций и вернисажей, что никого ничем нельзя удивить,

но, возможно, в честь юбилей писателя отодвинул накал политических страстей накануне второго тура президентских выборов. О нем вспоминали и давали краткий отчет о вечере в Доме литераторов только радио "Эхо Москвы".

Андрей Вознесенский вспомнил о своей первой поездке в 1962 году вместе с Некрасовым во Францию и об их визите к Ле Корбюзье, которого В.П. называл великим архитектором. Об этой встрече сам Некрасов написал в очерках "Месяц во Франции" и "Ле Корбюзье". И хотя в конце жизни В.П. признавался, что становится все более консервативным ("душа требует покоя") и разлюбил Корбюзье, сохранившиеся в его архиве три письма к нему "архитектора №1" свидетельствуют не только о страстном увлечении в молодости новаторскими идеями в архитектуре, но и о профессиональном разговоре, возникшем между ним, начинающим архитектором, и его знаменитым корреспондентом.

Владимир Войнович в своем выступлении назвал Некрасова "самым ярким и ни на кого не похожим человеком". Он вспоминал о нем прежде всего не как об известном писателе, общественном деятеле и видном участнике правозащитного движения, а как о необычайно общительном человеке, которого всегда окружали многочисленные друзья и знакомые. При нем было стыдно врать, лицемерить, хвастаться, он ненавидел всяческие запреты и постоянно нарушал их, никогда не выглядел слишком серьезным, не хотел и не умел говорить языком намеков, принятым тогда в писательской среде.

Войнович рассказал о своем первом знакомстве с Некрасовым в "Новом мире" в 1962 году и о комической ситуации, которая возникла в связи с рекомендацией в Союз писателей, данной ему, начинающему писателю, автором "Окопов Сталинграда". Он вспоминал и о поездке в Киев вместе с Петром Якиром в сентябре 1966 года для участия в траурном митинге, приуроченном к 25-летию трагедии Бабыного Яра. Пригласивший их Некрасов был одним из организаторов этого несанкционированного митинга.

Руанский Музей изящных искусств

13 июля — 14 октября 1996 года

НЕИЗВЕСТНЫЙ МОДИЛЬЯНИ

ВЫСТАВКА РИСУНКОВ
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ПОЛЯ АЛЕКСАНДРА
Среди них — портреты Анны Ахматовой

После экспозиции во многих городах мира —
Венеции, Лондоне, Тель-Авиве, Мадриде, Монреале... —
коллекция выставляется во Франции в Руане.

Выставка открыта с 10.00 до 18.00
каждый день, кроме вторника
по адресу: Musée des Beaux-Arts. Square Verdel, 76000 Rouen

Посвящается Некрасову

Начало см. стр.11

Я тоже присутствовал на нем и хорошо помню выступления Некрасова и Ивана Дзюбы. Некрасов говорил о памятнике, который здесь необходимо поставить, и о том, что это трагедия еврейского народа и нельзя об этом умалчивать, как это делают киевские власти. Вокруг плотным кольцом нас окружали милиционеры, дружинники и переодетые кагешники. Речь Некрасова пытались прервать. Помню, как мой друг, стоявший рядом, крикнул: "Говорите, говорите, Виктор Платонович!" Некоторых активистов, которые принесли венки с надписями на идише и иврите, схватили и куда-то увезли. Один из них затем получил три года, но уже за другое "преступление".

Некрасов потом писал в "Записках зеваки", что партследователи в "беседах" с ним много раз припоминали ему выступление на митинге. Его обвиняли в том, что он организовал "массовое сионистское собрание". Трагедия Бабьего Яра, идея памятника жертвам геноцида продолжала волновать Некрасова. Бабий Яр, как писала Берзер, с этого дня "стал частью собственной жизни Некрасова — личной, общественной, гражданской и писательской".

Некрасов был инициатором конкурса проектов памятника в Бабьем Яру, собирал материалы, составил альбом уникальных фотографий, работал над большим произведением об этой трагедии еврейского народа. В январе 1974 года во время 42-часового обыска у него изъяли эту незаконченную рукопись и материалы к ней. Об этом В.П. упоминал в своем известном очерке "Кому это нужно?". Впоследствии я запрашивал КГБ Украины, но получил ответ, что рукопись не обнаружена.

На вечере в ЦДЛ Лиля Лунгина вспоминала о том, как они вместе с мужем ездили во Францию для встречи с Виктором Некрасовым и как тот от нетерпения примчался в Марсель, чтобы встретиться с ними. Его парижский кабинет, по словам Лунгиной, напоминал интерьер его киевской комнаты. Чтобы легче писалось, он восстановил привычную обстановку: на стенах висели многочисленные фотографии и рисунки, свои и чужие, большая подробная карта Парижа — такая же висела у него в Киеве.

Уходят друзья и сверстники Некрасова, меньше становится лично знавших его людей. Все выступавшие на вечере говорили, что совершенно необходимо издать его собрание сочинений и составить книгу воспоминаний о Некрасове, написать как бы коллективный портрет писателя, который в своем последнем произведении "Маленькая печальная повесть" писал: "Выяснилось, что самое важное в жизни — друзья... Для кого-нибудь деньги, карьера, слава, для меня — друзья..." Это лирическое признание не только героя повести, но и ее автора.

Когда в 1993 году я был в Париже в гостях у Ирины Белогордской, она передала мне статью Некрасова, посвященную ее мужу Вадиму Делоне и опубликованную в 1984 году в нью-йоркской газете "Новое русское слово" (25 ноября). Для В.П. верность дружбе была мерилем человеческих отношений, входила в его "кодекс чести". Он всегда первым бросался на помощь, если случалась беда или неприятность, если нужна была его дружеская поддержка. Некрасов способствовал присуждению премии имени В.Даля книге Делоне о лагере "Портреты в колючей раме". А когда в Париже посмертно был издан первый сборник стихов рано ушедшего из жизни

Вадима Делоне, он сразу же откликнулся на него.

Он вспомнил слова Вадима, сказанные им на суде в 1968 году и сразу же облетевшие с помощью "вражеского" радио весь мир: "Я понимал, что за пять минут свободы на Красной площади я могу расплатиться годами лишения свободы". И закончил В.П. свою статью пронзительными словами: "Ему не хватало воздуха, не хватало Москвы, друзей. И он не выдержал. Умер..."

Самому Некрасову действительно не хватало воздуха, не хватало Москвы, Киева, друзей. Хотя он и не мог физически вернуться ни в Москву, ни в Киев, он постоянно к ним возвращался в своих книгах, статьях и радиопередачах. Он мечтал написать бэдекер по Парижу, городу, который полюбил и который хорошо знал и даже называл своим, но он написал "Записки зеваки" — бэдекер по Киеву, откуда его изгнали и разлуку с которым он очень тяжело переживал.

Встречи с друзьями "оттуда" были самыми драгоценными подарками в годы его изгнания. В стихотворении о Париже Булат Окуджава запечатлел образ Некрасова, сидящего в кафе в ожидании такой встречи:

Париж для того, чтоб, забыв хоть
на час

борения крови и классов,
зайти мимоходом в кафе

"Монпарнас",
где ждет меня Вика Некрасов.

Вечный юноша, веселый и грустный, неугомонный путешественник, объездивший полмира, киевский парижанин, постоянно кого-то встречавший или провожавший, завсегдатай кафе, не пропускавший случая выпить "сто грамм" и неизвестно когда писавший свои книги — таким Виктор Некрасов остался в памяти друзей.

АЛЕКСАНДР ПАРНИС

Москва